

УДК 159.9

Карпинский К.В.*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь)***ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА СМЫСЛА ЖИЗНИ:
К ПСИХОЛОГИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ**

Аннотация. В статье раскрываются задачи, проблемы и перспективы дифференциально-психологического анализа смысла жизни. Эксплицируется базовый параметр для описания смысложизненных различий, в качестве которого фигурирует биполярный континуум «осмысленность жизни – смысложизненный кризис». Обсуждаются пути совершенствования данного параметра в целях более точной и многомерной дифференциации людей. Выделяются и описываются дифференциальные свойства смысла жизни как психического феномена, способные служить частными параметрами индивидуальных и групповых различий.

Ключевые слова: смысл жизни, осмысленность жизни, смысложизненный кризис, смысложизненные различия, дифференциальные свойства.

K. Karpinski*Yanka Kupala Grodno State University (Belarus)***DIFFERENTIAL PROPERTIES OF MEANING OF LIFE:
TOWARD THE PSYCHOLOGY OF MEANING-CENTERED DIFFERENCES**

Abstract. The article describes problems, challenges and prospects of differential psychology analysis of the meaning of life. The author explicates the basic parameter for describing differences in the meaning of life which appears as bipolar continuum «meaningfulness – meaning of life crisis». Various ways of improvement for this parameter to make differentiation of people more exact and multivariate are discussed. Differential properties of the meaning of life that can serve as a psychic phenomenon which can become sub-parameters of individual and group differences are defined.

Key words: meaning of life, life conciseness, the meaning of life crisis, meaning-centered differences, differential properties.

В настоящее время активно формируется новая область исследований – *психология смысла жизни*. В отличие от других наук психология изучает смысл жизни как содержание сознания, компонент структуры личности и регулятор индивидуальной жизнедеятельности, а также как феномен, опосредствующий общение, межличностное взаимодействие и организа-

цию совместной деятельности людей в группе. Особенно ее интересуют природа, строение, генезис и дифференциальные свойства смысла жизни как психического явления. Кроме того, она исследует закономерности и механизмы его обретения, сохранения и практической реализации в течение жизненного пути, а также специфические проблемы и кризисы, вызванные отсутствием, утратой или нереализу-

© Карпинский К.В., 2014.

емостью смысла в жизни. Современные исследования смысла жизни становятся все более разветвленными и специализированными, постепенно консолидируясь в отраслевые аспекты – общепсихологический, возрастно-психологический, клинико-психологический, профессионально-психологический и некоторые другие.

Одним из важных, но малоразработанных является *дифференциально-психологический аспект* смысложизненной проблематики. В общих инвариантных закономерностях, присутствующих становлению, структурированию и функционированию смысла жизни, постоянно прослеживаются частные вариации, которые значительно индивидуализируют и отличают людей. Это позволяет выделить отдельный класс психологических различий – *смысложизненные различия*, в которых проявляются устойчивые содержательные, структурные, функциональные, темпоральные, динамические, энергетические и прочие особенности смысла жизни как психического образования. Причем смысложизненные различия, как и другие категории психических различий, могут быть разнопорядковыми и дифференцировать как индивидов, так и малые и большие группы людей. В связи с житейской и научной очевидностью существования различий, относящихся к смыслу жизни как явлению человеческой психики, вполне резонно ставить вопрос о необходимости разработки *дифференциальной психологии смысла жизни, или психологии смысложизненных различий*.

Дифференциально-психологический аспект смысложизненной проблематики предполагает решение следующих научных задач:

— описание и систематизация свойств смысла жизни как психического феномена, обладающих широкой вариабельностью и могущих в этой связи выступать основаниями для индивидуальных и групповых смысложизненных различий;

— объяснение природы, детерминации и происхождения смысложизненных различий между людьми и группами, а также механизмов и закономерностей влияния этих различий на психическое развитие, благополучие, здоровье и продуктивность жизненного пути личности;

— разработка дифференциально-психологических методов смысложизненной диагностики, помогающих дать качественно-количественную оценку своеобразия индивидуального смысла жизни как психического явления.

Таким образом, дифференциальная психология смысла жизни призвана заниматься разработкой систематики, изучением причин и последствий межиндивидуальных и межгрупповых смысложизненных различий. При условии успешного решения поставленных задач психология смысложизненных различий претендует стать полноценным разделом дифференциальной психологии.

Однако к числу ее задач должно относиться не только выявление диапазона изменчивости смысла жизни, не только классификация и типологизация смыслов жизни по психологически значимым признакам, но также изучение целостных типов личности, выделенных по смысложизненным основаниям. В психологии насчитывается огромное количество частных классификаций и типологий лично-

сти, которые базируются на различиях темперамента, характера, мотивов деятельности и других психологических (но не всегда собственно личностных) свойств. Смыслжизненная типология личности могла бы существенно дополнить темпераментальные, характерологические, мотивационные и прочие парциальные, краевые типологии. В целом ряде отечественных и зарубежных теорий смысл жизни справедливо считается ядерным компонентом психологической структуры личности или, другими словами, ее интегративной основой [9; 10; 14; 15 и др.]. Для дифференциально-психологического анализа это значит, что по отношению к целостной личности именно смысл жизни является наиболее информативным и репрезентативным критерием индивидуальных различий. В силу центральности в психологической организации личности, он способен выражать ее наиболее фундаментальные, устойчивые, интегральные особенности и тенденции. Проще говоря, личностная сущность конкретного человека наиболее глубинно, синтетично и концентрированно схватывается на уровне индивидуального смысла жизни. И поэтому смысл жизни, конституирующий «ядро», «стержень» личности, в качестве критерия дифференциации типов личности гораздо предпочтительнее психических структур и образований, составляющих ее «наружную оболочку», «внешний слой», «периферию».

Подступаясь к дифференциально-психологическому анализу смысла жизни, прежде всего, следует учесть некоторые особенности его развития в онтогенезе и, в частности, то, что смысл жизни является онтогенетиче-

ски поздним новообразованием индивидуальной психики, для возникновения которого необходимо вызревание целого ряда внешних и внутренних условий. Его становление обычно приходится на поздний подростковый и ранний юношеский возраст (это своего рода сензитивный период смыслжизненного развития личности), но может быть смещено как вперед, так и назад по сетке возрастного развития. Еще важнее то, что смысл жизни – это психическое новообразование, возникновение которого не является обязательным, нормативным событием индивидуального развития. С точки зрения генезиса – это избирательный, факультативный феномен, который формируется лишь у определенной части людей. И если он все-таки сформировался, это указывает на достаточно высокий уровень личностной зрелости, независимо от того, в каком хронологическом возрасте это случилось. Отличаясь сравнительно высокой стабильностью и консервативностью среди прочих личностных образований, смысл жизни все равно подвержен возрастным (эволюционным и инволюционным) и критическим изменениям, вследствие которых не исключена его деформация, деструкция и утрата.

Гетерохронность и избирательность формирования, а также негарантированность сохранения уже сформированного смысла жизни – все это закономерности, порождающие кардинальные и наиболее заметные смыслжизненные различия. Отсюда, в частности, вытекает *базовый параметр* психологической дифференциации людей по наличию (сформированности и сохранности) либо отсутствию (неразвитости и потерянности) смыс-

ла в жизни. Если представить этот основополагающий параметр не в дихотомическом, а континуальном виде, то получим шкалу индивидуальных различий в уровне осмысленности жизни. На одном ее полюсе окажутся люди, переживающие состояние ценностно-смысловой полноты и обоснованности собственного бытия. Состояние предельной осмысленности жизни в ассоциации с другими позитивными переживаниями также описывается в терминах «психологического благополучия», «эвдемонии», «цветения», «потока» и др. На противоположном полюсе шкалы группируются те, кто страдает от бессмысленности жизни и охвачен смысложизненным кризисом, который принято определять понятиями «экзистенциальный вакуум», «экзистенциальный невроз», «метапатология», «фрустрация потребности в смысле жизни» и пр.

Трудно недооценить последствия индивидуальных различий по шкале «наличие – отсутствие смысла жизни» («осмысленность жизни – смысложизненный кризис») для развития и функционирования личности. Смысл жизни конституирует личность в качестве субъекта жизни, потенцирует ее способность к овладению и управлению жизненным процессом и ходом собственного развития в биографическом масштабе, является высшей инстанцией и системообразующим компонентом психической регуляции индивидуальной жизнедеятельности, тогда как смысложизненный кризис, как известно, выступает психологическим кризисом субъектогенеза, который в случае непродуктивного и несвоевременного разрешения существенно стагнирует и искажает

процесс развития и самореализации личности [1]. Закономерно, что устойчивые индивидуальные различия по шкале «осмысленность жизни – смысложизненный кризис» обуславливают дальнейшую дифференциацию людей по интегральным и обобщенным (высокоуровневым) критериям, как то: *субъектность – бессубъектность в жизни, психологическое благополучие – неблагополучие, личностная зрелость – незрелость, психическое здоровье – нездоровье*. К настоящему времени накоплен огромный массив эмпирических данных, подтверждающих, что наличие смысла и высокий уровень осмысленности жизни является коррелятом, предиктором, фактором самых разнообразных позитивных проявлений и конструктивных изменений, тогда как смысложизненный кризис предпосылает и продуцирует множественных негативных эффектов и деструктивных последствий в развитии и функционировании личности (для обзора см. [18]). Если углубиться в частности, то легко обнаружить громаду мелких (низкоуровневых) индивидуально-психологических различий, к появлению и проявлению которых причастны состояния осмысленности жизни и смысложизненного кризиса. Эти различия, как правило, касаются отдельных составляющих, подструктур, сфер и аспектов субъектности, благополучия, зрелости и здоровья (например, различия в субъективной удовлетворенности жизнью, подверженности тревоге и депрессии, индивидуальной выраженности адаптивных и дезадаптивных характерологических черт, склонности к выбору эффективных и дисфункциональных стратегий copingа и т. д.).

Следует подчеркнуть, что дифференциальный параметр «наличие – отсутствие смысла жизни» («осмысленность жизни – смысложизненный кризис») является не только самой крупной и мощной, но и исторически первой шкалой для установления смысложизненных различий между людьми. Логотеория В. Франкла и практически все следующие за ней психологические концепции смысла жизни трактуют осмысленную жизнь и смысложизненный кризис в качестве диаметрально противоположных состояний, модальностей, форм личностного развития и бытия. В опоре на эту теоретическую традицию многие современные исследователи признают осмысленность жизни одним из конструктов, существенных для понимания индивидуальных особенностей смысловой сферы личности и смысловой регуляции деятельности. Д.А. Леонтьев, в частности, рассматривает данный параметр как «энергетическую характеристику смысловой сферы, количественную меру степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл» [8, с. 293]. Подавляющая часть методов эмпирического изучения смысла жизни, начиная с самого раннего психометрически валидизированного инструмента PIL и заканчивая новейшими диагностическими методиками, предназначена для операционализации и квантификации индивидуальных различий как раз по данному базовому измерению. За крайними вариантами диагноза, формулируемого с помощью существующих методик, угадывается биполярный конструкт «осмысленность жизни – смысложизненный кризис». Например, PIL охва-

тывает континуум индивидуальных различий от «цели в жизни» до «фрустрации воли к смыслу»; LRI – от «исполненности» до «замешательства»; SOC – от «осмысленности» до «скуки».

Базовый параметр «осмысленность жизни – смысложизненный кризис», несомненно, имеет высокую дискриминативность, объяснительную и прогностическую ценность. Однако для научных и практических целей подразделение индивидов и групп только по уровню осмысленности жизни и интенсивности протекания смысложизненного кризиса является недостаточным. Оно дает довольно грубую, приблизительную и, как правило, чисто количественную дифференциацию, в то время как межличностные и межгрупповые различия коренятся не только и даже не столько в мере выраженности, сколько в качественном своеобразии смысла жизни. Методы диагностики смысложизненных различий также небезупречны, хотя бы потому, что осмысленность жизни и смысложизненный кризис мыслятся как единый биполярный конструкт, и, соответственно, для их измерения применяется один и тот же тест. Если он изначально рассчитан на выявление осмысленности жизни, то низкий тестовый балл интерпретируется как показатель смысложизненного кризиса, и наоборот. Но как тогда толковать тестовые показатели, лежащие в интервале средних значений: «ни кризиса, ни смысла в жизни», «одновременное присутствие бессмысленности и осмысленности» либо как-то еще? Истинный корень теоретических и диагностических затруднений состоит в том, что в действительности недостаток осмысленности жизни еще не

равнозначен смысложизненному кризису, а наличие кризиса не исключает присутствия смысла в жизни.

По мере уточнения теоретических представлений и совершенствования эмпирических методов, открываются возможности более тонкой дифференциации людей по их смысложизненным особенностям. В настоящее время базовый параметр, сводящий эти особенности к наличию или отсутствию у человека смысла жизни, подвергается усложнению и обогащению сразу по нескольким направлениям.

Первое направление – это внутреннее расслоение полюсов параметра, связанное с теоретическим и эмпирическим различием разнокачественных видов, типов, форм осмысленности жизни и смысложизненного кризиса. Только за счет разложения осмысленности на когнитивный (осознанное представление о смысле жизни), аффективный (эмоциональная насыщенность и привлекательность жизни) и конативный (долгосрочные и трансситуативные стремления, намерения, цели) компоненты, можно существенно повысить чувствительность и различительную силу базового параметра. Идя по такому пути, китайский исследователь Д. Шек описывает устойчивые типы осмысленности, образованные различными сочетаниями рационального понимания и эмоционального переживания смысла в жизни [17]. Двигаясь в том же направлении, Д.А. Леонтьев описывает индивидуально-типологические портреты людей с неодинаковой выраженностью трех компонентов осмысленности жизни – когнитивного образа жизненной цели, эмоционального переживания включенности

в процесс жизни и объективной интенциональной направленности жизнедеятельности. «На самом деле все три аспекта смысла жизни «...» представляются важными и неотделимыми друг от друга. Если отсутствует образ цели, но имеется чувство бессмысленности и богатства жизни и устойчивая ее направленность, челок может быть по-настоящему счастлив, но при этом плыть по течению, слабо контролируя ход своей жизни. Если отсутствует чувство включенности при наличии две остальных компонентов, смысл жизни редуцируется к цели жизни, а сама жизнь уподобляется хладнокровно планируемой карьере, утрачивая многое из того, что придает ей очарование. «...» Если присутствует и образ цели, и переживание включенности, но объективная направленность жизни расходится с ними, то перед нами прекраснотушный идеалист, неспособный выстроить свою жизнь в соответствии со своими представлениями» [7, с. 490–491]. Аналогичным образом может быть «отпрепарирован» и смысложизненный кризис – антипод осмысленности жизни. Так, в собственных исследованиях автора показано, что за понятием «смысложизненный кризис» скрывается негетогенная совокупность кризисных явлений, имеющих смысложизненную подоплеку. По соображениям разной этиологии и феноменологии оправданно дифференцировать, как минимум, три психологические разновидности смысложизненного кризиса – бессмысленности, смыслоутраты и нереализованности (нереализуемости) смысла жизни [1]. В конечном итоге, все сказанное означает, что люди различаются не только «количеством»

смысла или бессмыслицы в жизни, но и «качеством», «модальностью» переживания состояний осмысленности и смысложизненного кризиса.

Другой путь повышения различительной силы базового параметра состоит в выделении состояний, промежуточных и переходных между осмысленной жизнью и смысложизненным кризисом. В то время как в психологии дифференциация людей осуществляется посредством дихотомизации, поляризации этих двух крайностей, в реальности имеет место гораздо большее разнообразие смысложизненных различий. Поэтому членение континуума состояний, лежащих между полюсами осмысленности и бессмысленности, представляется адекватным и перспективным способом развития дифференциальной психологии смысла жизни. Интересные результаты в данном направлении получены Т. Шнель, которой удалось эмпирически выявить два состояния, локализованных в интервале от осмысленности жизни до смысложизненного кризиса. Это стало возможным, в первую очередь, благодаря тому, что измерение осмысленности жизни и смысложизненного кризиса производилось двумя независимыми субшкалами, интегрированными в структуре авторского опросника SoMe («Sources of Meaning»). Рекомбинация двух градаций выраженности для двух полюсов в итоге привела к четырехпольной классификации смысложизненных состояний: «1. Высокая осмысленность, низкий кризис (состояние осмысленности жизни). 2. Высокий кризис, низкая осмысленность (состояние смысложизненного кризиса). 3. Низкая осмысленность, низкий кри-

зис (состояние экзистенциальной индифферентности). 4. Высокая осмысленность, высокий кризис (состояние экзистенциального конфликта)» [16, р. 354]. Согласно результатам исследования, в репрезентативной немецкой выборке (603 человека) состояние осмысленности жизни встречается у 61%, смысложизненный кризис – у 4%, экзистенциальная индифферентность – у 35%, а экзистенциальный конфликт всего лишь у 4 испытуемых. Ввиду такого распределения частот экзистенциальный конфликт объявлен артефактом процедуры исследования, а в качестве устойчивого и распространенного пограничного состояния между осмысленной жизнью и смысложизненным кризисом определена «экзистенциальная индифферентность», которая характеризуется невниманием и безразличием личности к вопросам поиска и реализации смысла собственной жизни. Однако в недавнем воспроизводящем исследовании, проведенном на объемной бразильской выборке (3034 человека), была получена иная статистика распределения смысложизненных состояний: 80,7% (2450) испытуемых продемонстрировали осмысленность жизни, 5,7% (172) – смысложизненный кризис, 9,6% (292) – экзистенциальную индифферентность, 4% (120) – экзистенциальный конфликт. Исходя из достаточно частой встречаемости экзистенциального конфликта, он был «реабилитирован» в статусе переходного смысложизненного состояния. Более того, были выявлены статистически достоверные различия между группами экзистенциального конфликта и экзистенциальной индифферентности по внешним критериям

– субъективному ощущению счастья, удовлетворенности жизнью, самоуважению, что свидетельствует о правомерности и валидности дифференцировки этих состояний [13].

Третье направление доработки базового дифференциального параметра заключается в сопряжении его полюсов с каким-либо добавочным, комплементарным критерием. Тем самым умножается вариабельность смысложизненных различий, которые могут быть идентифицированы с помощью психодиагностических средств. Известно, что осмысленность жизни и смысложизненный кризис, даже наличествуя объективно, могут не сознаваться и, как правило, не признаются личностью без специальных рефлексивных усилий. В этой связи целесообразно привлечь дополнительный критерий дифференциации – признак «осознанности-неосознанности» смысложизненных состояний. Интересная попытка расширения пространства индивидуальных различий на базе данного критерия предпринята Д.А. Леонтьевым, который описывает разные варианты соотношения осмысленности и бессмысленности с сознанием: «1. Неосознанная удовлетворенность. Это жизнь, протекающая гладко и без рефлексии и приносящая чувство удовлетворения, не побуждая к раздумьям о ее смысле. 2. Неосознанная неудовлетворенность. Человек испытывает фрустрацию, не осознавая причин этого. 3. Осознанная неудовлетворенность. Человек испытывает чувство отсутствия смысла и активно, осознанно и целенаправленно этот смысл ищет. 4. Осознанная удовлетворенность. Человек в состоянии дать себе отчет в смысле своей жизни, это

осознанное представление не расходится с реальной направленностью жизни и вызывает положительные эмоции» [8, с. 249].

Наконец, еще одна возможность усиления базового дифференциального параметра «осмысленность жизни – смысложизненный кризис» связана с теоретическим и эмпирическим разграничением *результативных и процессуальных аспектов смысла жизни*. Психологические теории смысла жизни издавна оперируют понятиями как результативного характера, обозначающими установившиеся, относительно стабильные и длящиеся смысложизненные состояния (например, «осмысленность жизни», «смысложизненный кризис»), так и процессуального характера, обозначающими динамические психические и поведенческие процессы, ведущие к установлению, стабилизации и поддержанию либо, наоборот, исчезновению и смене этих состояний (например, «поиск смысла жизни»). Однако в практике эмпирических исследований и в психодиагностике смысложизненных различий понятия процессуального плана, к сожалению, не находят достойного применения. В 1977 г. исправить данное положение попытался Дж. Крамбо, который операционализировал процессуальный конструкт «поиск смысла жизни» и предложил опросник SONG («Seeking for Noetic Goals») [11]. На современном этапе эту линию продолжает американский психолог М. Стигер, разводящий результирующий параметр «присутствие смысла в жизни» («presence of meaning in life») с процессуальным параметром «поиск смысла» («search for meaning in life») как на концептуальном, так и на

операциональном уровне в методике MLQ [19].

Базовый дифференциальный параметр со всей очевидностью является результативным, поскольку его полюса образованы устойчивыми психическими состояниями, которые результируют текущие процессы поиска, сохранения, реализации, переоценки смысла жизни. Посредством различения результативного и процессуального аспектов смысла жизни дифференциация людей становится более многомерной, к примеру, внутри кризисной группы обособляются контрастные подгруппы индивидов: находящиеся в поиске и не ищущие никакого смысла в жизни. Важно учитывать, что и сами смысложизненные процессы весьма неоднородны и распадаются на разные классы, по меньшей мере, класс интегральных и элементарных процессов. Каждый интегральный процесс обеспечивает решение конкретной и вполне определенной смысложизненной задачи – смыслопоисковой, смылосберегающей, смылореализующей, смылословосстановительной – в контексте развития личности [3]. Он представляет собой форму функционального синтеза и интеграции элементарных психических процессов и процессов деятельности, которые тоже делятся на определенные классы и дробятся на еще более простые процессы (об этом см. [5; 6]). Так, в интегральные процессы, обслуживающие поиск и реализацию, сохранение и восстановление смысла жизни, с необходимостью включаются элементарные процессы смысловой динамики – смыслообразование и смыслоосознание, каждый из которых, в свою очередь, строится

и реализуется как сплав познавательных и эмоциональных психических процессов. Сказанное намечает возможности дифференциации людей не только по результирующим, но и по процессуальным компонентам смысла жизни. Ведь в действительности каждый человек отличается как смысложизненным состоянием, в котором устойчиво или даже привычно пребывает, так и путями, траекториями, маршрутами, которыми он к нему приходит и из него выходит, а последнее и задает пространство процессуальных смысложизненных различий.

Несомненно, могут быть предложены и другие пути прогрессивного усложнения базового параметра смысложизненных различий, однако это стратегия построения дифференциальной психологии смысла жизни не должна оставаться единственной. Ведь вслед за констатацией наличия (сформированности и сохранности) смысла в жизни конкретного индивида встает вопрос о том, каковы психологические особенности этого смысла, в чем его индивидуальная специфика и какими последствиями такой смысл чреват для обладателя. Чтобы ответить на него, требуется принципиально иная, пока еще малоиспользуемая стратегия, ориентированная на выделение, описание и систематизацию всего спектра психологических (содержательных, структурных, функциональных, генетических, темпоральных и прочих) свойств смысла жизни. Каждое из этих свойств в потенциале представляет собой дифференциальный параметр, количественная выраженность или качественная определенность которого служит различению людей как носителей разнообразных до непо-

вторимости смыслов жизни. Очевидно, что наиболее яркие и значимые различия связаны не только с общим уровнем осмысленности жизни и интенсивностью течения смысложизненного кризиса, но и с индивидуальными комбинациями, конфигурациями, профилями свойств смысла жизни как психического феномена.

Разумеется, выделение психологических свойств в качестве парциальных параметров индивидуальных различий не заменяет и не отменяет общего параметра «наличие – отсутствие смысла жизни». Речь идет лишь о необходимости совмещения обеих стратегий, а также о том, что психология смысложизненных различий не может успешно развиваться без глубокого проникновения в особенности содержания, строения, функций и генезиса индивидуального смысла жизни. Редуцируя всего многообразие индивидуальных различий к одномерному биполярному параметру «осмысленность жизни – смысложизненный кризис», доминирующая на сегодняшний день стратегия изначально упрощает и огрубляет смысложизненную реальность человеческой психики и бытия. Чтобы ярче проиллюстрировать ее ограниченность и опасность, следует провести аналогию с другими сферами индивидуально-психологических различий, например, темпераментом, характером или мотивацией. Если бы в их анализе психология избрала подобную стратегию, она бы скатилась к уплощенной дифференциации людей по общему уровню «темпераментности», «характерности», «мотивированности», отказавшись от разработки сложных и многомерных таксономий, классификаций и типологий темпе-

раimenta, характера и мотивационной сферы личности. Потому-то и смысложизненные различия недопустимо замыкать только на общем уровне осмысленности как единственном дифференциально-психологическом параметре.

Очевидно, что анализ дифференциальных свойств должен опираться на общепсихологическое представление о смысле жизни как сложносоставной, многоуровневой, мультимодальной, полифункциональной психической системе, отдельные свойства которой производны от внутрисистемных, межсистемных и метасистемных взаимодействий. В работах автора статьи и некоторых других исследователей выделены, теоретически обоснованы и методически операционализированы следующие дифференциальные свойства смысла жизни как системного психического образования: 1. *Широта-узость смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное содержательной разнородностью смыслообразующих ценностей личности. 2. *Иерархизация смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, отражающее степень дифференциации и соподчинения смыслообразующих ценностей по личностной значимости. 3. *Интеграция-дизинтеграция смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, отражающее степень совпадения когнитивного, аффективного, мотивационного и конативного компонентов смысла жизни, т. е. смысложизненных представлений, переживаний, побуждений личности и реальной смысловой направленности ее повседневной жизнедеятельности. 4. *Согласованность-конфликтность смысла жиз-*

ни – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное содержательной совместимостью смыслообразующих ценностей личности. 5. *Реалистичность-нереалистичность смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное степенью соответствия смыслообразующих ценностей личности и доступных ресурсов практической реализации. 6. *Устойчивость-изменчивость смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, отражающее меру содержательной и структурной стабильности смыслообразующих ценностей личности. 7. *Временная локализация смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, отражающее характер распределения смыслообразующих ценностей между модусами психобиографического времени личности (прошлым, настоящим и будущим). 8. *Опосредованность смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, отражающее степень конкретизации смыслообразующих ценностей личности в жизненных целях, планах и программах. 9. *Интринсивность-экстринсивность смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, отражающее детерминацию выбора смыслообразующих ценностей личности внутренними и внешними причинами. 10. *Конгруэнтность-неконгруэнтность смысла жизни* – индивидуально-психологическое свойство, обусловленное мерой согласования смыслообразующих ценностей личности со смысловыми ориентациями людей из ближнего социального окружения, прежде всего, биографически значимых других.

Все дифференциально-психологические свойства и их индивидуально-

неповторимые конфигурации должны оцениваться, в первую очередь, с точки зрения влияния на выполнение смыслом жизни своих специфических функций, т. е. по критерию функциональной значимости. При этом следует помнить, что в ансамбле функций, выполняемых смыслом жизни как психическим явлением, главенствует *субъектообразующая функция* (конституирование личности в качестве субъекта жизни), которой подчинены и содействуют все остальные функции. Соответственно, первейшей задачей дифференциально-психологического анализа является распознавание тех смысловых свойств, а также их градаций и комплексов, которые, с одной стороны, способствуют развитию и осуществлению личности как субъекта жизни (функционально оптимальные свойства смысла жизни) и, с другой стороны, препятствуют нормальному субъектогенезу и продуктивной жизнедеятельности личности (функционально неоптимальные и дисфункциональные свойства смысла жизни). Вышеперечисленные свойства в совокупности определяют функциональный потенциал и целостный «профиль» индивидуального смысла жизни, по которому он может быть интегрально оценен как оптимальный либо неоптимальный. Кроме того, как показывают специальные исследования, психологические свойства не просто механически сочетаются и комбинируются, но и взаимодействуют друг с другом. Функциональность смысла жизни зависит от эффектов взаимодействия этих свойств (синергетических и антагонистических) не меньше, а порой и больше, чем от выраженности изоли-

рованных свойств как таковых [3; 4]. На наш взгляд, самым актуальным и многообещающим направлением разработки дифференциальной психологии смысла жизни является изучение тех последствий в области развития, адаптации, благополучия, здоровья и продуктивности, которые прямо или косвенно порождены принятием и реализацией личностью функционально оптимальных, неоптимальных и дисфункциональных разновидностей смысла жизни.

В заключение следует подчеркнуть, что стратегия дифференциально-психологического анализа смысла жизни по свойствам в корне меняет подход и к базовому параметру индивидуальных различий «осмысленность жизни – смысложизненный кризис». Если осмысленность жизни традиционно берется в качестве объяснительного конструкта, то при учете индивидуальных особенностей и функционального потенциала смысла жизни она превращается в объяснимую переменную. Ведь, строго говоря, осмысленность жизни и предрасположенность личности к смысложизненному кризису определяются не только самим наличием и отсутствием, но и свойствами смысла жизни, в силу которых он порой не способен выступать предпосылкой полноценной осмысленной жизни и фактором устойчивого бескризисного развития личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Карпинский К.В. Смысложизненный кризис в развитии личности как субъекта жизни. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 186–199.
2. Карпинский К.В. Феноменология смысложизненного кризиса в развитии личности // Мир психологии. 2012. № 3 (71). С. 121–135.
3. Карпинский К.В. Функциональная взаимозависимость психологических свойств смысла жизни // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т.6. № 2. С. 14–30.
4. Карпинский К.В. Широта и иерархичность смысла жизни как факторы кризисного развития личности // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Том II (Психолого-педагогические науки). С. 195–200.
5. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004. 424 с.
6. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал, 1997, Т.18, № 6. С.13–27.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
8. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
9. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 45–67.
10. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: избранные труды. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2006. 768 с.
11. Crumbaugh J.C. The Seeking of Noetic Goals Test (SONG): A complementary scale to the Purpose in Life Test (PIL) // Journal of Clinical Psychology. 1977. № 33. P. 900–907.
12. Crumbaugh J.C., Maholick L.T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis // Journal of Clinical Psychology. 1964. № 20. P. 200–207.
13. Damasio B.F., Koller S.H. Complex Experiences of Meaning in Life: Individual Differences Among Sociodemographic Variables, Sources of Meaning and Psy-

- chological Functioning // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 118 (3). P. 1–21.
14. Maddi S.R. Creating Meaning Through Making Decisions // *The Human Quest for Meaning: Theories, Research, and Applications* / P.T.P. Wong (Ed.). New York, NY: Routledge, 2012. P. 57–80.
15. Popielski K. *Noetyczny wymiar osobowosci*. Lublin: KUL, 1994. 444 s.
16. Schnell T. Existential Indifference: Another Quality of Meaning in Life // *Journal of Humanistic Psychology*. 2010. Vol. 50. № 3. P. 351–373.
17. Shek D.T.L. Life Meaning and Purpose in Life Among Chinese Adolescents: What Can We Learn From Chinese Studies in Hong Kong? // *The Human Quest for Meaning: Theories, Research, and Applications* / P.T.P. Wong (Ed.). New York, NY: Routledge, 2012. P. 335–357.
18. Steger M. F. Experiencing Meaning in Life: Optimal Functioning at the Nexus of Well-Being, Psychopathology, and Spirituality // *The Human Quest for Meaning: Theories, Research, and Applications* / P.T.P. Wong (Ed.). New York, NY: Routledge, 2012. P. 165–185.
19. Steger M.F. The Meaning in Life Questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life // *Journal of Counseling Psychology*. 2006. Vol. 53. P. 80–93.